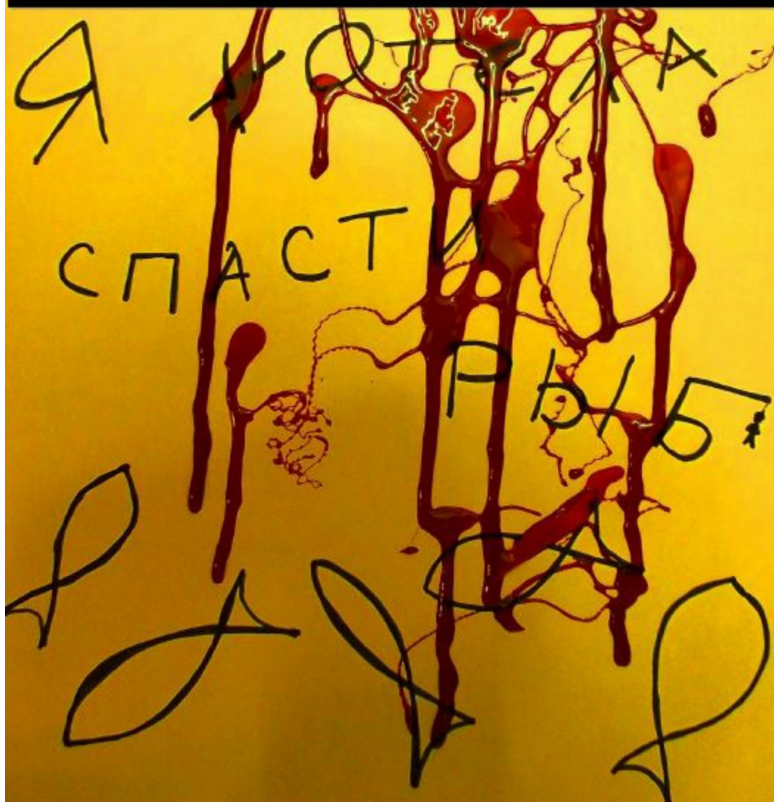

Константин Богатски

Я хотела спасти рыб

Константин Богатски Я хотела спасти рыб

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28739071

SelfPub; 2018

Аннотация

В течение одного часа в различных жизненных ситуациях ранимая девушка-подросток из провинциального города примеряет на себя роли гуманной спасительницы, беспомощной жертвы и жестокого палача. Содержит нецензурную брань.

Захлопывая дверь старого трёхэтажного здания, где меня и других обучали быть серой, безжизненной массой, я попала в сумеречное открытое пространство школьного двора. Не раздавалось ни звука, все шумные школьники уже давно разбежались по домам. Я прошла вдоль покосившегося забора, за которым даже в сумерках отчётливо выделялся силуэт недостроенного здания торгового центра, которое никогда не будет достроенным. Осторожно обходя открытые канализационные шахты, с которых уже давно были сворованы люки и сданы на металлолом, я пошла по разбитому асфальту. Вдалеке уже виднелась серая, блочная девятиэтажка, в которой я жила с момента своего никем не желанного и не запланированного рождения.

Еле волоча ватные ноги, я вышла из заплёванного лифта и подошла к двери квартиры номер шестьдесят шесть. Холодными пальцами я вынула ключи из бокового кармана потёртого рюкзака. Сегодня вечером я пришла со школы домой позже обычного – была моя очередь дежурить в классе. Мне пришлось подметать и мыть полы с другой девчонкой после окончания уроков и ухода давно осточертевших мне ублюдков – одноклассников. Эта же низкорослая одноклассница меня пока не раздражала, она у нас недавно, излишне правильная, но не злая. Она с рождения жила в селе, теперь переехала к тётке в наш безликий город. До темноты мы с ней сидели на изуродованных матерными надписями партах

и говорили ни о чём. Ей как и мне не хотелось идти после школы домой, потому что в тесных и неудобных квартирах нас никто не ждал. Не было желания идти в свою гробоподобную многоэтажку и жрать пресную перловку на ужин среди холодных стен с выключенным отоплением.

Когда я зашла в квартиру, моей матери к счастью ещё не было дома – вот уже несколько дней подряд она не приходит раньше полуночи. У неё новый трахарь: жирный, плешивый и ужасно картавит, но видимо состоятельный, потому что уже пару раз возил её в бар не для рабочей гопоты. Я думаю, при его деньгах можно было бы себе и получше бабу найти. Ну что ему может дать эта истеричная, стремительно стареющая шалава, которая сгноила моего отца и к тому же два месяца назад потеряла работу из-за пьянства? Вот и опять она бухать зачастила, но вроде бы ещё ничего из дома не выносит, наверное, трахарь пока всем угощает.

Дико хотелось есть, но кроме пыльных сухарей в тряпичном мешочке и перловой крупы в кухонных шкафах ничего не было. Старый холодильник был вовсе отключен. Я снова заматерилась на всю кухню, устав бороться с идиотской привычкой базарить с самой собой вслух. От давящего меня изнутри отчаяния я уставилась в темноту кухонного окна. По грязному стеклу забарабанил град.

Внезапно, какой-то непонятный шорох за спиной напугал меня, и я резко повернулась назад – под раковиной, до сих пор мной не замеченный, на полу стоял чем-то наполненный пакет. Любопытство тут же взяло верх надо мной, и я раскрыла его.

И в этот момент от удивления у меня расширились уставшие глаза – в пакете, отчаянно давя друг друга, лежали ещё живые рыбы. Тяжело дыша, изо всех сил растягивая свои жабры, словно сломанные веера, они скользили по серебристой чешуе друг друга и старались подпрыгнуть как можно выше, чтобы выбраться из полиэтиленового, засушливого плена. Я наклонилась, вглядываясь в их обречённые рыьи глаза, в их агонизирующие, всё ещё подвижные рты.

Они хотели жить.

Вдруг одна из крупных рыб сверху, собрав последние силы, резко подпрыгнула на сантиметров десять, напугав меня.

Я ненавижу людей! Я желаю им всем сдохнуть в муках! Я не испытываю к ним никакой жалости!

Я хочу спасти рыб.

Не особо задумываясь и анализируя, я торопливо понесла

пакет в ванную комнату и на полную выкрутила тугой кран с холодной водой. Я заткнула сток чёрной пробкой, вынула рыб из пакета и стояла несколько минут как сомнамбула, созерцая переливание цветов на чешуе в воде, наполняющей ванну. Сразу же рыбы ощутили приближающееся спасение, с каждой секундой сильная струя воды придавала им силы. Совсем скоро они обосновались в наполненной ванной и уверенно двигали плавниками под водой, словно их жизням больше ничего не угрожало.

Меня вернул в реальность пронзительный звонок в дверь. Побежала открывать. Увидела на пороге в жопу пьяную мать с перекошенным лицом, на котором растёрлась её шлюховатая губная помада. Я ей ничего не сказала, заходя в зал и сдерживая гнев, оставляя мать одну в прихожей, с огромным трудом снимающую грязные сапоги – это почти ежедневный её ритуал с тех пор, как отец повесился.

– Оля, почему вода шумит в ванной? – запищала она.

Меня наполняли ярость и нескрываемое презрение к ней.

– Где ты взяла рыбу? Ты нахрена её в пакете умирать бросила? – не выдержав, грубо ответила я вопросом на вопрос.

Шатаясь и уже закипая от гнева, мать подошла ко мне, не

успев снять левый сапог.

– Ты что... ты что, дура тупая, рыбе воду налила? – завопила она, – я между прочим...

– Зачем ты их умирать оставила, ты вообще съехала? Им же больно! Они жить хотят! Они мучались! Если хочешь умертвить, убивай сразу...

Мать сделала паузу и прищурила заплывшие глаза.

– Ах ты, сука неблагодарная! – зашипела она. – Я же тебе, твари, пожрать принесла! Значит, живодерка я? – она резко ударила меня ладонью по лицу, и я в очередной раз ощутила жар на своей щеке.

– Значит, я мучаю! А ты у нас праведница! Умничать решила? – вопила она, продолжая бить меня по лицу.

Я беззащитно закрывала лицо руками, и мои бледные ладони увлажнили слёзы, хотя я пообещала себе больше никогда не рыдать.

Побои неожиданно прекратились, и пьяная мать, так и не сняв сапог, направилась в ванну. Я осталась стоять, рыдая навзрыд и в опасении ожидая, что сейчас натворит эта бухая

мразь.

Вскоре она вышла из ванной комнаты с пакетом в руке, и в нём как ранее трепыхалась рыба, вновь потерявшая жизненно важную влагу.

– Тогда неси на мусорку, сука! – снова истерично заорала она, – сегодня жрать не получишь.

Я повиновалась, как безвольная малолетняя рабыня, изо всех сил сжав пакет с рыбами в руке.

На тёмной улице с негорящими фонарями было в это время безлюдно, внезапный град распугал бездельников во дворе. Ржавые мусорные баки стояли в ста метрах от моего подъезда. Возле них грелись два замёрзших бомжа, сжигая мусор. Я подошла к ним.

– Это рыба. Вы можете её съесть, она ... свежая, – сказала я странным низким голосом без всякого приветствия, протягивая пакет одному из бомжей и окончательно переставая плакать.

Один из бомжей замешкался на пару секунд, застыл на месте с куском мокрой фанеры в руке, возможно, смутившись моего покрасневшего и заплаканного лица, но затем

подошёл и взял пакет, неуверенно побрел с ним в сторону своего товарища. Тот бездомный всё это время смотрел на меня и произнес:

– Спасибо, малая.

Ничего ему не ответив, я пошла к своему подъезду, уже почти успокоившись. Темнота больше меня не пугала, к тому же в кармане потёртых джинс всегда лежал выкидной отцовский нож – последняя память о нём. Я стала носить его с прошлого лета, после того, как на меня напали гопницы с Индустриального.

И вдруг мне дорогу перегородил невесть откуда взявшийся мужской силуэт. Я подняла глаза – на меня смотрел неизвестный мне лысый тип лет двадцати, поодаль от него стоял Косой с десятого класса и злорадно ухмылялся.

– Куда бежишь? – ухмыльнулся бритый тип.

– Куда надо...

– Ты чё дерзкая такая? – он ловко предотвратил мою попытку проскользнуть в подъезд и добежать по ступеням до шестого этажа.

Его самоуверенность и маниакальный взгляд нервировала меня – он явно был пьян или под кайфом, и каждая эмоция выдавала в нём зверя. Он начал лапать меня через куртку, другой рукой пытаюсь расстегнуть её.

Я чувствовала, что сейчас снова зареву, но собрав всю свою смелость, закричала на него:

– Никогда не...

Он резко схватил меня за шею своей огромной шершавой рукой, словно одел на меня петлю и туго затянул её, а я, беспомощно сопротивляясь, начала терять над собой контроль. Адреналин ускорил мою кровь, и чувствуя серьёзную опасность, я повиновалась своим подсознательным, звериным рефлексам

– ...со мной, – закончила я свою логически бессвязную мысль вслух.

Его рука тут же ослабила свою хватку на моей шее. Он сначала слегка попятился, затем медленно начал оседать, пытаюсь остановить струящуюся кровь из горла и хрипя. Он смотрел на меня напуганными глазами взглядом поверженной жертвы, и его огромные ладони, испачканные кровью, заметно дрожали. Его спесь и маниакальность тут же исчез-

ли, а я осознала лёгкость, с которой можно решать все свои жизненные проблемы.

Косой, увидев такой расклад, побежал что есть силы в сторону гаражей, а я дёрнулась к подъезду с открытым ножом в руке, и через несколько секунд уже была в доме. Моё сердце вырывалось из груди, и я задыхалась, то ли от страха, то ли от подъездной вони.

В спешке, быстро преодолев шесть этажей пешком по лестнице, я открыла дверь квартиры и забежала в прихожую.

– Где ты так долго шлялась? – непротрезвевшая мать уставилась на меня как баран, до сих пор оставшись обутой в один сапог– у тебя кровь на куртке! Ты...

Я устала слушать наставления и порицания этих безвольных, аморфных тел; мне надоело постоянно чувствовать себя униженной, быть жертвой чужих комплексов и маний. Совершенно не сопротивляясь, я просто повторно отдалась собственному рефлексорному подсознанию.

Мать хрипела гораздо тише, чем лысый тип у подъезда, а её кровь при свете лампочки в коридоре казалась яркой. Я чувствовала, как в воздухе запах крови смешивается с перегаром матери, и меня тошнило. Она упала на пол, корчась и

сжимая шею руками, но мне уже было всё равно.

Теперь мне совсем не хотелось плакать. Я рассматривала лезвие отцовского ножа, покрытое ещё теплой кровью. Моё сердце стучало отчетливо, как ускорившиеся куранты, и я в этот момент ощущала собственную пульсирующую кровь в тонких венах, которая умоляла меня выпустить её поскорей наружу.